

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакхельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Серегин Н.Н.^{а, *}, Демин М.А.^б, Матренин С.С.^а

^а Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^б Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); mademin52@mail.ru (Демин М.А.);
matrenins@mail.ru (Матренин С.С.)

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ КАРБАН-I)

Статья посвящена характеристике предметов вооружения из погребений сяньбийского времени комплекса Карбан-I. Анализируемые находки включают 5 сложносоставных луков, 14 железных наконечников стрел, 4 железных боевых ножа и 1 кинжал. Установлено, что изученный набор боевых средств населения Северного Алтая соответствовал комплексу вооружения легкой конницы и пехоты. В его составе фиксируются как уже раннее известные (хуннуские), так и новые (местные) модификации наступательного оружия.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийское время, вооружение, булан-кобинская культура, лук, наконечники стрел, боевой нож, кинжал, хронология.

Введение

Военное дело являлось одним из важнейших элементов системы жизнеобеспечения древних и средневековых народов разных регионов мира, воплощая в себе культурные и технические достижения конкретных обществ. Значимость войны как способа производства демонстрируют многочисленные находки предметов вооружения на различных видах археологических памятников. Большую роль военной деятельности в жизни кочевников Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. подтверждают обширные вещественные материалы, полученные в ходе раскопок погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Оружие являлось неременным атрибутом сопроводительного инвентаря мужчин данной общности, выступая индикатором социального статуса и показателем выполнения индивидами определенных управленческих функций [Серегин, Матренин, 2020, с. 116]. Участие разных групп населения в конфликтах с применением стрелкового и клинкового оружия отражают зафиксированные на костях людей следы насилия в виде скелетных травм (стреляные, рубленые, колотые раны, отсечения конечностей, декапитация) [Тур и др., 2018].

Становление и развитие комплекса вооружения населения Алтая происходило под значительным влиянием военных традиций кочевых империй Центральной Азии: хуннуской во II в. до н.э. — I в. н.э., сяньбийской во II — первой половине IV в. н.э., жужанской во второй половине IV — первой половине V в. н.э. На сегодняшний день различные аспекты военного дела носителей булан-кобинской культуры изучены неравномерно. Наименее исследованным остается сяньбийский период его истории, хотя анализ наступательного вооружения дальнего, среднего и ближнего боя из отдельных некрополей предпринимался в работах ряда отечественных специалистов [Худяков, 1986, 2002; Мамадаков, 1990, 1996; Неверов, Мамадаков, 1991; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018; и др.]. Данная ситуация существенным образом обусловлена тем, что полученный внушительный по объему корпус археологических источников из раскопок погребальных памятников, датирующихся II — первой половиной IV в. н.э., по-прежнему опубликован весьма фрагментарно, что в итоге затрудняет его полноценное изучение.

Обозначенное обстоятельство определяет актуальность введения в научный оборот и разноплановой интерпретации комплекса вооружения из некрополя сяньбийского времени Карбан-I.

Материалы и методы исследования

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куяс, в Чемальском районе Республики Алтай. В 1989–1990 гг. на

---

* Corresponding author.

данном памятнике в рамках аварийных археологических работ экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина раскопана серия погребений сянбийского времени [Серегин и др., 2021]. Предметы вооружения зафиксированы в пяти непотревоженных мужских захоронениях и представлены средствами ведения дальнего (луки и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (ножи, кинжал) боя.

Сложносоставные луки обнаружены в пяти погребениях. Сохранились только роговые накладки на кибить, судя по которым луки помещались в могилы со снятой тетивой и укладывались на умершего человека вдоль правой (курганы № 11, 14, 39) или левой (курганы № 9, 33) части туловища. Большинство обнаруженных деталей имеют хорошую и удовлетворительную сохранность. Отмечено, что среди значительно разрушенных элементов преобладают пластины на нижнюю и центральную часть луков, соприкасавшиеся с телом умершего человека. Лук из кургана № 9 был разобран или сломан: верхние концевые накладки перевернуты головкой с вырезом под тетиву вниз. В погребении объекта № 14 найден неполный (вероятно, сломанный) лук с пластинами на центральную и нижнюю часть.

Железные наконечники стрел в количестве 14 экз. происходят из трех захоронений. В сопроводительном инвентаре их число варьировало от одного до восьми. Документированы следующие варианты размещения данных предметов *in situ*. В могиле кургана № 9 наконечник находился у правого предплечья человека рядом с костяными (роговыми) проникающими и был ориентирован, как и они, острием вверх. В погребении объекта № 33 один железный экземпляр располагался справа от черепа мужчины вместе с костяными наконечниками, остальные четыре — около левой кисти умершего (все они обращены остриями вверх). В захоронении кургана № 39 вдоль правого бедра умершего человека расчищены восемь наконечников стрел, большинство из которых лежали компактно остриями вверх. Металл изделий имеет преимущественно хорошую и удовлетворительную сохранность; в ряде случаев наконечники были снабжены костяными (роговыми) свистунками.

Комплекс клинкового оружия из некрополя Карбан-I включает один кинжал и четыре боевых ножа. Кинжал находился в могиле кургана № 9 вдоль левого бедра умершего мужчины острием вниз. Боевые ножи¹ обнаружены в трех погребениях (курганы № 11, 33, 39). Их положение в захоронениях было почти одинаковым — вдоль левого бедра покойного острием вниз. В могиле кургана № 39 более крупный экземпляр находился у левой ноги погребенного, а второй, меньшего размера, — около правого бедра.

Для сравнительного изучения целых и фрагментированных изделий, относящихся к разным категориям наступательного вооружения, была проведена их классификация на основе таксонов, учитывающая степень изменчивости морфологических признаков от самых общих к наиболее вариативным. Систематизация луков осуществлена по таким параметрам, как конструкция лука (группа), форма со снятой или надетой тетивой (разряд), общая длина со снятой тетивой (раздел), количество накладок на кибити (отдел), состав набора роговых накладок (тип), морфологические особенности накладок (толщина, форма, пропорции), а также соотношение длины плеч (верхнего и нижнего рога). При классификации боевых наконечников стрел во внимание принимались следующие показатели: материал изготовления (группа), способ насада на древко (разряд), поперечное сечение пера (раздел), общий силуэт пера, наличие острия (отдел), форма пера в плане (тип), наличие (отсутствие) упора и его конструкция, а для ярусных экземпляров соотношение верхней и нижней части пера (вариант). Оружие ближнего боя (кинжал и ножи) было описано по таким показателям, как материал (группа), форма поперечного сечения клинка (разряд), форма окончания лезвия, абрис клинка в продольной плоскости (раздел), положение рукояти относительно длинной оси клинка (отдел), наличие/отсутствие перекрестия, его конструкция и форма (тип), детали оформления рукояти (вариант).

Выделенные типы предметов вооружения были подвергнуты типологическому анализу, целью которого являлось установление относительной датировки и генезиса разных изделий. Основой для этого выступали актуальные для сравнения вещественные материалы из археологи-

---

¹ К данному виду оружия режущего действия отнесены изделия, имеющие клинок длиной 12–13 см и ширину спинки (обуха) не менее 0,3 см. Данных параметров было вполне достаточно для нанесения человеку смертельного поражения или глубокой раны [Горбунов, 2006, с. 75–76]. Ножи с такими характеристиками были полифункциональными и могли применяться для хозяйственных нужд [Худяков, 2002, с. 86].

ческих памятников последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., исследованных в Центральной, Средней и Северной Азии.

Анализ материалов

В результате классификации **луков** выделена одна группа, один разряд, один раздел, один отдел, один тип, включающий два варианта.

Группа I. Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибить из двух или трех частей, на которой определенным образом фиксировались роговые накладки. Деревянный остов не сохранился ни в одном из захоронений некрополя Карбан-I.

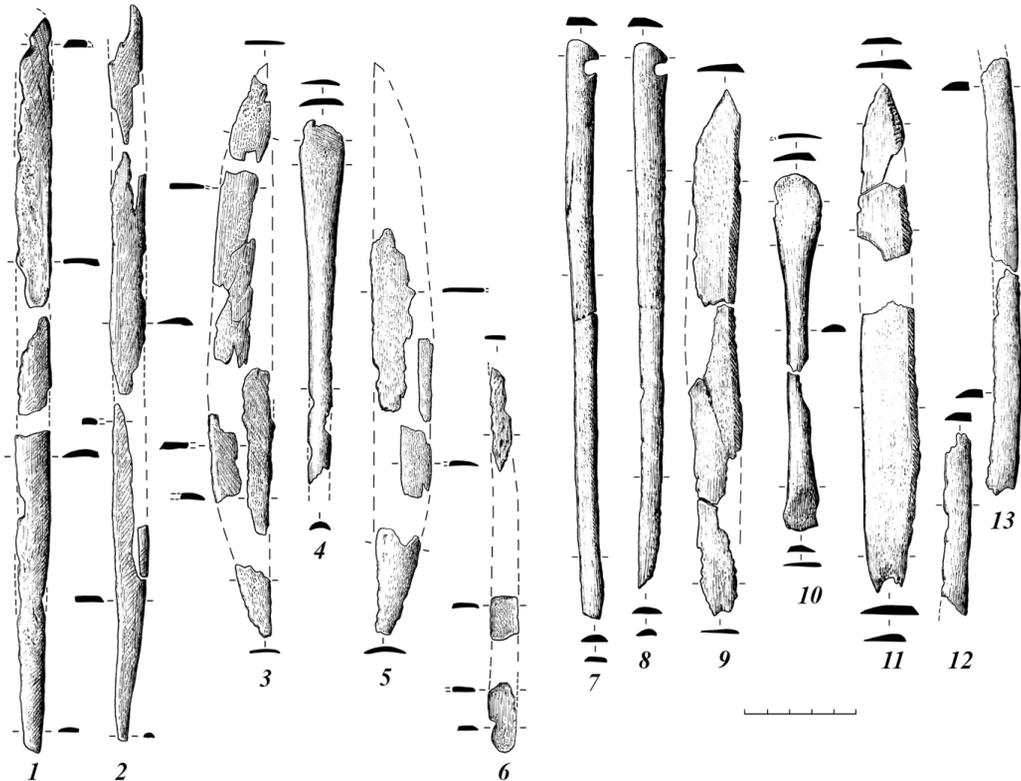
Разряд I. С-М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». С надетой тетивой лук становится похож на букву «М».

Раздел I. Длинные. Длина со снятой тетивой составляет около 150 см.

Отдел I. Луки с семью накладками.

Тип 1. Четыре концевые и три срединные накладки: из концевых четыре боковые, из срединных — две боковые, одна тыльная.

Вариант а. Концевые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (верхние 29–37 см, нижние 20–30 см), узкие (ширина в проекции головки 1,5–1,8 см, в средней части — 1,2–1,5 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1, 1, 2, 6; 2, 7, 8; 3, 1, 2, 6). Срединные боковые накладки тонкие (0,2–0,4 см), сегментовидные, длинные (25–30 см), широкие (2,6–3 см). Их окончания срезаны под острым углом или имеют незначительное скругление (рис. 1, 3, 5; 2, 1, 3, 9, 11; 3, 3, 5). Срединные тыльные накладки тонкие (0,2–0,5 см), весловидные, средней длины (16–24 см), узкие (ширина в центральной части от 0,6 до 1,2 см), с трапецевидными (рис. 1, 4; 3, 4) или лопаточковидными (рис. 2, 2) окончаниями (шириной от 2 до 2,8 см)². Судя по сохранившимся более длинным роговым пластинам на верхнее плечо, кибить была асимметричной. Включает четыре лука из курганов № 9, 14, 33, 39 (рис. 1, 1–6; 2, 1–12; 3, 1–7).

Рис. 1. Роговые накладки на лук из некрополя Карбан-I. Курганы № 9 (1–6) и 11 (7–13).
Fig. 1. Horn bow onlays from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 9 (1–6) and 11 (7–13).

² У лука из кургана № 14 тыльная накладка была усилена дополнительной пластиной, имеющей длину около 12 см и ширину в разных местах от 1,1 до 1,6 см (рис. 2, 2).

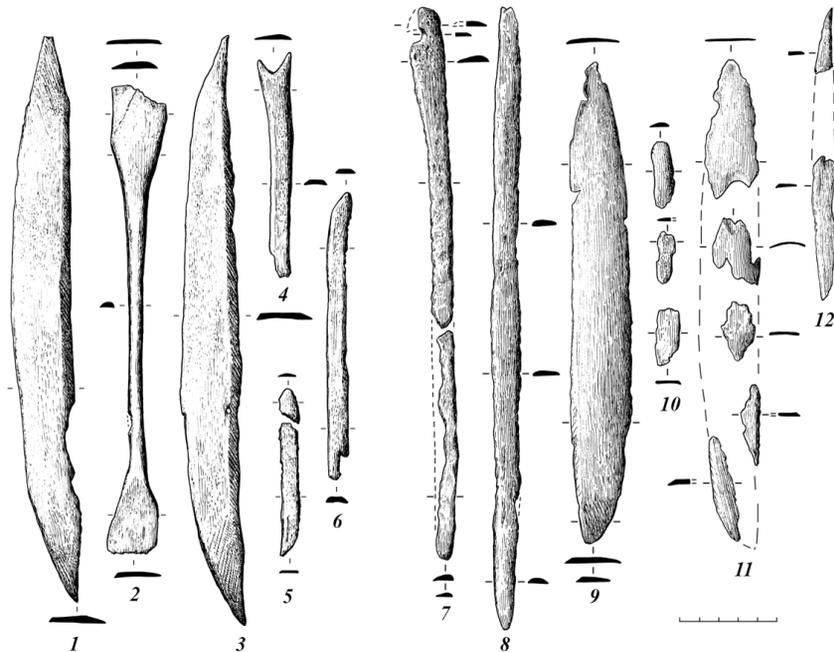

Рис. 2. Роговые накладки на лук из некрополя Карбан-1. Курганы № 14 (1–6) и 39 (7–12).
 Fig. 2. Horn bow onlays from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 14 (1–6) and 39 (7–12).

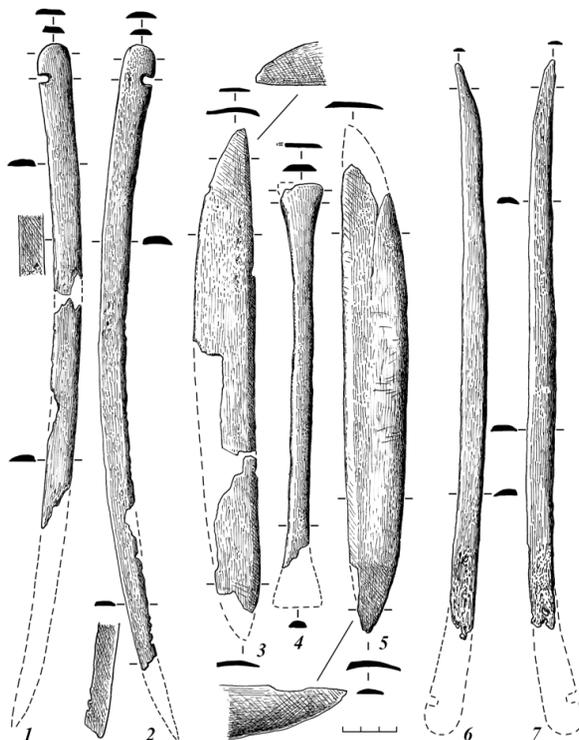

Рис. 3. Роговые накладки на лук из кургана № 33 некрополя Карбан-1.
 Fig. 3. Horn bow onlays from mound № 33 of the Karban-I necropolis.

Вариант б. Концевые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (верхние 26–33 см, нижние не менее 20 см), узкие (ширина в проекции головки 1,4 см, в средней части — 1,2 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1, 7, 8, 12, 13). Срединные боковые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (около 25 см), широкие (2,5–2,6 см)

(рис. 1, 9, 11). Срединная тыльная накладка тонкая (0,3–0,4 см), весловидная, средней длины (16,7 см), узкая (ширина в центральной части 1 см, у концов — 1,7 и 2,2 см), с трапециевидными окончаниями (рис. 1, 10). Разная длина концевых накладок свидетельствует об асимметричности кибити. Включает лук из кургана № 11 (рис. 1, 7–13).

Боевые **наконечники стрел** представлены одной группой, одним разрядом, одним разделом, двумя отделами, пятью типами с несколькими вариантами.

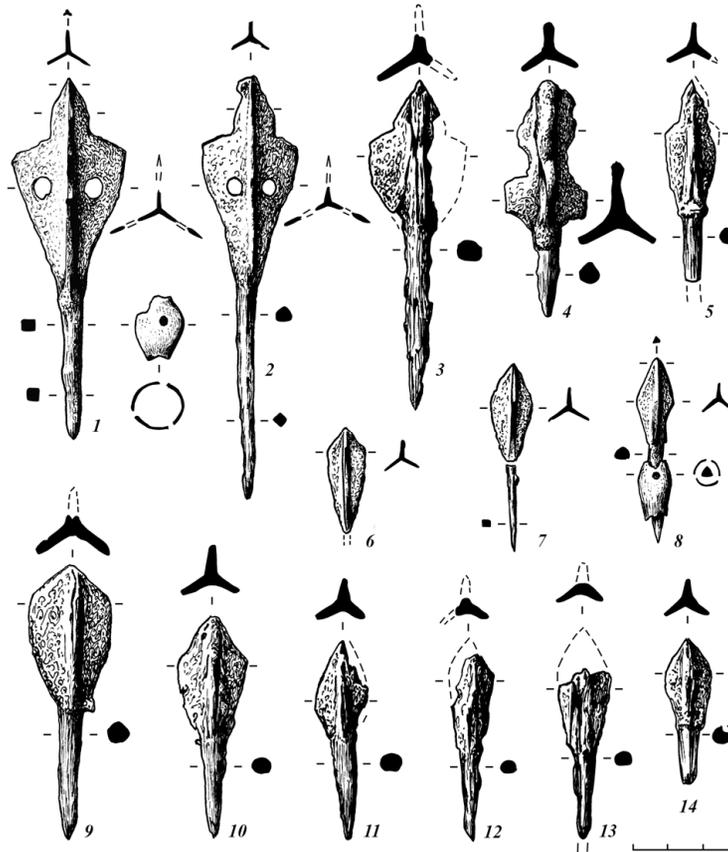
Группа I. Железные.

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Трехлопастные.

Отдел I. Ярусные, заостренные.

Тип 1. Треугольные — асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера представляет собой треугольник, плавно переходящей в ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Вариант а — без упора, с малым верхним ярусом. Включает 1 экз. из кургана № 39. Размеры пера 3,4×2 см. Длина черешка 2,7 см (рис. 4, 10).

Рис. 4. Боевые наконечники стрел из некрополя Карбан-I. Курганы № 9 (4), 33 (1, 2, 6–8), 39 (3, 5, 9–14): 1, 8 — железо, кость (рог), остальное — железо.

Fig. 4. Combat arrowheads from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 9 (4), 33 (1, 2, 6–8), 39 (3, 5, 9–14): 1, 8 — iron, bone (horn), the rest is iron.

Тип 2. Пятиугольные — асимметрично-ромбические. Верхний ярус пера напоминает пятиугольник, нижний — фигуру в виде ромба, стороны которого преломляются ближе к острию. Вариант а — без упора, с малым верхним ярусом. Включает 4 экз. из курганов № 33 (2) и 39 (2). Размеры пера: длина 3,8–6,2 см, максимальная ширина 2,7–3,2 см. Длина полностью сохранившихся черешков варьирует от 4 до 6 см. Два изделия имеют округлые прорезы в лопастях нижнего яруса, одно — костяную свистунку³ (рис. 4, 1–3, 5).

³ В процессе раскопок кургана № 33 установлено, что из пяти железных наконечников четыре (два из них ярусные) были снабжены костяными свистунками.

Тип 3. Ромбические-шестиугольные. Вариант а — без упора, с равновеликими верхним и нижним ярусами. Включает 1 экз. из кургана № 9. Размеры пера 4,2×2,4 см. Длина сохранившегося черешка 1,8 см (рис. 4, 4).

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 4. Асимметрично-ромбические (перо имеет форму ромба, у которого стороны преломляются ближе к острию). Вариант а — без упора. Включает 5 экз. из курганов № 33 (1) и 39 (4). Размеры пера 2,4–4,1×1–2,3 см. Длина сохранившихся черешков варьирует от 2,8 до 3,6 см (рис. 4, 6, 9, 12–14).

Тип 5. Ромбические (боковые стороны пера преломляются примерно посередине). Некоторые наконечники имеют прорезы в лопастях. Вариант а — без упора. Включает 3 экз. из курганов № 33 (2) и 39. Размеры пера 2,4–2,7×1,1–1,5 см. Длина сохранившихся черешков 2,5–2,7 см. Одно изделие снабжено костяной свистункой (рис. 4, 7, 8, 11).

Единственный железный (группа I) **кинжал** имел двулезвийный линзовидный в сечении (разряд I) клинок длиной 13 см, максимальной шириной 2,8 см, с острым окончанием и килевидным абрисом (раздел I), переходящим в прямую рукоять (отдел I) без перекрестия (тип 1), снабженную деревянным навершием овальной формы (рис. 5, 1).

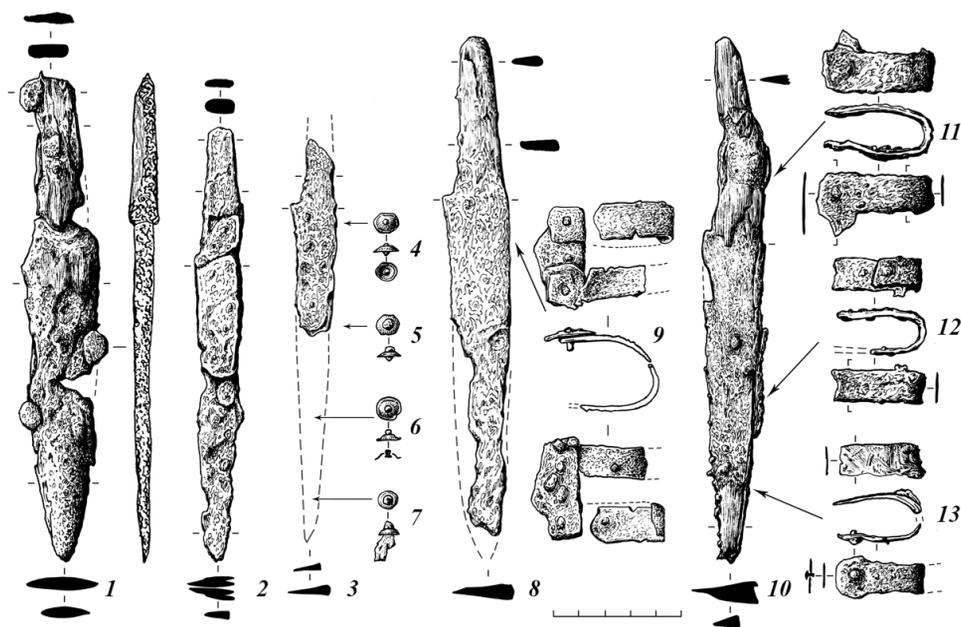

Рис. 5. Железный кинжал и ножи с деталями ножен из некрополя Карбан-I.

Курганы № 9 (1), 11 (2), 33 (3–9), 39 (10–13).

Fig. 5. Iron dagger and knives with sheath details from the Karban-I necropolis.

Burial mounds № 9 (1), 11 (2), 33 (3–9), 39 (10–13).

Учитывая степень сохранности, удалось провести классификацию трех **боевых ножей**, что позволило выделить одну группу, один разряд, один раздел, два отдела, два типа изделий, включающих по одному варианту.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. Острое окончание. Лезвие дугообразно переходит в прямую или слегка выгнутую спинку.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 1. Без перекрестия. Вариант а — без навершия, с гладким череном. Включает 2 экз. из курганов № 11 и 33. Длина клинков составляет 12,4 и 14,5 см, максимальная ширина — 1,9 и 2,5 см (рис. 5, 2, 8).

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 2. Без перекрестия. Вариант а — без навершия, с гладким череном. Включает 1 экз. из кургана № 39, имеющий клинок длиной 16,3 см с наибольшей шириной 2,5 см (рис. 5, 10).

Обсуждение результатов

Сложносоставные длинные луки из некрополя Карбан-I, оснащенные комплектом из семи роговых накладок (двух пар концевых боковых, двух срединных и одной тыльной), являлись ведущей модификацией таких изделий у многих народов Восточной Евразии в последней четверти I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. На Алтае они распространились во II в. до н.э. под влиянием хуннской военной традиции и активно применялись до V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 23]. Все сохранившиеся концевые боковые накладки карбанских луков сделаны из длинных тонких и узких плавно изогнутых пластин, напоминающих дугу. Их головка с вырезом под тетиву закруглена, а противоположный конец заужен и срезан под углом, в отдельных случаях приострен. Такие концевые накладки являются производными от соответствующих хуннских экземпляров конца III в. до н.э. — I в. н.э. На протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры в их облике не произошло существенных изменений. Судя по соотношению длины сохранившихся концевых пластин, карбанские луки имели асимметричные плечи.

Четыре из пяти луков, обнаруженных в могильнике Карбан-I, имели тонкие длинные срединные боковые накладки сегментовидной формы с приостренными окончаниями. Аналогичные детали широко применялись хунну Монголии и Забайкалья в конце III в. до н.э. — I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. III–V; Худяков, 1986, рис. 3, 1–7; И Санг по, 2003, зур. 24, 3; и др.]. С хуннским влиянием связаны находки похожих изделий в памятниках Тувы конца I в. до н.э. — начала III в. н.э. [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82, 21; Николаев, 2001, с. 81–82, табл. 77, 1; 94, 2; 95, 1, 2]. Позднее сегментовидные накладки использовались в конструкции сяньбийских луков (конец I — начало III в. н.э.), правда, они имели значительно меньшую длину и закругленные окончания [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1, 5–8; Яремчук, 2005, рис. 66, 6, 7]. В булан-кобинской культуре луки со срединными боковыми накладками, идентичными карбанским экземплярам, по-видимому, копировали хуннские образцы. На сегодняшний день такие изделия зафиксированы на Алтае в погребальных комплексах, датирующихся преимущественно II в. до н.э. — I в. н.э. (Усть-Эдиган, Яломан-II, Пазырык, Сары-Бел, Чендек) и реже — II — первой половиной IV в. н.э. (Бош-Туу-I) [Мамадаков, 1990, рис. 80, 81; Худяков, 1997, рис. 1, 3, 4, 12; Соенов, Эбель, 1992, рис. 22; и др.].

Две срединные боковые накладки с дуговидным абрисом удлинённых пропорций от лука из кургана №11 имеют аналогии в сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья конца I — начала III в. н.э., в которых также обнаружены экземпляры «промежуточных» форм (от сегментовидных к дуговидным либо к трапециевидным) [Яремчук, 2005, рис. 61, 5, 6; 62, 11, 12, 65, 5, 6]. Луки, армированные похожими пластинами, встречаются в археологических материалах Средней Азии и Южного Приуралья, относящихся ко второй половине II — III в. н.э., а также в комплексах кокельской культуры Тувы второй половины III — IV в. н.э. [Рапопорт, Неразик, 1984, рис. 88, 89, 2; Николаев, 2001, табл. 106; и др.]. У населения булан-кобинской культуры срединные боковые накладки дуговидной формы появились в результате закругления окончаний сегментовидных пластин с прогнутым основанием [Горбунов, 2006, с. 16–17]. На Алтае луки с таким оформлением центральной части кибита датируются II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 42], однако нельзя исключать использование отдельных экземпляров до начала VI в. н.э.

У всех карбанских луков присутствовали тыльные накладки в виде тонкой пластины весло-видной формы, имеющие меньшую длину в сравнении со срединными боковыми накладками. Среди них более ранними являются экземпляры с трапециевидными окончаниями, которые воспроизводят соответствующие детали луков хунну [Худяков, 1986, рис. 22, 9, 11, 15, 16]. Похожие пластины присутствуют также в конструкции сяньбийских луков конца I — III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 66, 3; 67]. У населения Алтая срединные тыльные накладки с обозначенным оформлением встречаются на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 18]. Единственная тыльная накладка средней длины с лопатковидными окончаниями, по-видимому, является местной разработкой, появившейся в сяньбийское время. Немногочисленные аналогии ей зафиксированы в булан-кобинских комплексах III–IV вв. н.э. [Соенов, Эбель, 1998, рис. 15, 5; Тишкин и др., 2018, с. 41].

Принимая во внимание представленные наблюдения, можно сделать вывод, что большинство обнаруженных в некрополе Карбан-I луков типа 1а воспроизводят хуннские аналоги и датируются, исходя из типологии накладок, в рамках II в. до н.э. — III в. н.э. Среди них более поздним, по-видимому, является лук из кургана № 14, имеющий редкое сочетание срединных накладок (сегментовидных боковых и тыльной с лопатковидными окончаниями). Единствен-

ный лук типа 1б из кургана № 11 относится к числу модификаций, применявшихся воинами Алтая во II–IV вв. н.э. Разница оформления роговых деталей луков из комплекса Карбан-I демонстрирует сохранение хуннской и формирование новой местной традиции производства, что свидетельствует об активной разработке данного вида ручного металлического оружия населением Алтая в сянбийское время.

Все железные наконечники стрел анализируемого собрания имеют черешковый насад на древко и трехлопастное перо различной формы. Среди них изделия с ярусным силуэтом пера и выделенным острием представлены шестью экземплярами, подразделяющимися на типы 1а, 2а, 3а. Такие проникатели оказываются достаточно информативными в плане хронологической интерпретации [Неверов, Мамадаков, 1991; Николаев, 2001, с. 73–74]. Изобретателями ярусных наконечников являются центрально-азиатские хунну, у которых они известны с I в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. 1, 12–16; 2, 17–28; Могильников, 1992, табл. 105, 3–5; и др.]. Будучи одним из «этнографических» элементов материальной культуры хунну, ярусные наконечники появились в воинских арсеналах других народов Центральной и Северной Азии не ранее II в. н.э. [Николаев, 2001, с. 78; Горбунов, 2006, с. 38].

На сегодняшний день правомерно говорить о разделении ярусных наконечников стрел на образцы хуннской и южносибирской традиций [Мамадаков, 1990, с. 44–53; Неверов, Мамадаков, 1991]. В материалах комплекса Карбан-I экземпляры хуннской традиции имеют малый верхний ярус треугольной (тип 1а) или пятиугольной (тип 2а) формы, переходящий в нижний ярус с асимметрично-ромбическим контуром. Необходимо отметить, что по размеру пера они различаются: есть большие (6×2,7–3,2 см) и малые (3,8–4,2×2,3–2,7 см) изделия, что, вероятно, связано с поиском наиболее эффективных баллистических параметров. Наконечники обозначенных типов имеют непосредственную генетическую связь с предметами из памятников хунну Монголии и Забайкалья, отличаясь от своих центрально-азиатских прототипов отсутствием лопастного упора и присутствием экземпляров небольшого размера [Коновалов, 1976, табл. II, 17–23; Худяков, 1986, рис. 5, 7, 15, 24; И Санг по, 2003, зур. 23, 4, 6; и др.]. Более поздние аналогии им зафиксированы в колчаных наборах сянби конца I — начала III в. н.э. (тип 1а), носителей кокэльской культуры Тувы второй половины III — IV в. н.э. (типы 1а, 2а), а также населения юга Западной Сибири второй половины III — V в. н.э. (тип 1а) [Худяков, 1986, с. 70–71; рис. 26, 1–8; Ширин, 2003, табл. LXXXVIII, 14, 15; Li Xingcheng, Wei Jian, 2004, fig. 19, 4].

На Алтае данные проникатели без упора преобладают в погребениях булан-кобинской культуры из могильников Айрыдаш-I (типы 1а, 2), Белый-Бом-II (тип 1а), Булан-Кобы-IV (тип 1а), Кызыл (тип 1а), Степушка (тип 1а), Улуг-Чолтух-I (типы 1а, 2а), датирующихся II — первой половиной IV в. н.э., и существенно реже встречаются в комплексах Чендек (западная группа) (тип 1а), Верх-Уймон (тип 2а), Чобурак-I (тип 2а), Яломан-II (центральная группа) (тип 2а), относящихся ко второй половине IV — первой половине V в. н.э. [Мамадаков, 1985, рис. 5, 4; Соенов, Эбель, 1992, рис. 4, 7; 39, 7; Худяков, 2002, рис. 3, 1, 4, 8; Бобров и др., рис. 26, 3, 4; Горбунов, 2006, с. 29, 38, рис. 23, 4, 24; Тишкин и др., 2018, рис. 6, 1; 8, 13; Серегин и др., 2020, рис. 2, 8; и др.]. Принимая во внимание, что данные изделия продолжали развитие соответствующих центрально-азиатских модификаций, и учитывая реалии этнокультурной истории Алтая, наконечники типов 1а, 2а можем датировать в рамках II–V вв. н.э. При этом экземпляры из некрополя Карбан-I, по-видимому, относятся к числу ранних⁴. Показательно, что массивные проникатели из кургана № 33 по размерам полностью совпадают с хуннскими.

Одним из направлений эволюции ярусных наконечников хуннской традиции у народов Алтая-Саянского региона было усиление их проникающих свойств, что выразилось в сужении лопастей нижнего яруса и удлинении верхнего яруса [Неверов, Мамадаков, 1991, с. 128–131; Николаев, 2001, с. 78]. Данные изменения демонстрирует карбанский наконечник типа 3а с равно-великими ярусами — верхним ромбическим и нижним шестиугольным. В обширной коллекции ярусных наконечников стрел булан-кобинской культуры аналогии ему не обнаружены. Данный «экспериментальный» образец является, по-видимому, переходным от хуннской к южносибирской традиции, формирование которой произошло в III в. н.э. [Серегин и др., 2020, с. 106]. Следует отметить, что наконечники с практически одинаковой длиной верхнего и нижнего ярусов,

⁴ Особенностью многих более поздних булан-кобинских ярусных наконечников стрел, относящихся ко второй четверти I тыс. н.э., является наличие кольцевого упора [Тишкин и др., с. 54; Серегин и др., 2020, рис. 2, 9–12].

форма которых демонстрирует местное развитие хуннских прототипов, встречены в Туве в могильнике Кокэль [Худяков, 1986, рис. 26, 7, 9, 14].

Железные трехлопастные наконечники с геометрическим заостренным пером в материалах некрополя Карбан-I представлены восемью экземплярами. По форме они различаются: есть асимметрично-ромбические (тип 4а) и ромбические (тип 5а). Впервые такие проникатели без упора зафиксированы в арсенале хуннских воинов Монголии и Забайкалья конца III в. до н.э. — I в. н.э. [Худяков, 1986, рис. 5, 1–13]. От хунну единичные их образцы во II–I вв. до н.э. попали в Северную Азию [Могильников, 2001, рис. 1, 8–10]. На территории Алтая черешковые трехлопастные наконечники асимметрично-ромбических и ромбических форм без упора распространялись со II в. н.э. и активно использовались носителями булан-кобинской культуры на протяжении II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39; Тишкин и др., 2018, с. 49, 54; Серегин и др., 2020, с. 107–108].

Значительно более редким элементом паноплии населения булан-кобинской культуры было клинковое оружие. Судя по имеющимся материалам, начиная с хуннского времени кинжалы выступали у кочевников региона вспомогательным средством ведения боя на короткой дистанции, а в первой половине I тыс. н.э. их практически полностью вытеснили длиннолезвийные ножи. Единичные находки кинжалов с отдельно изготовленным деревянным навершием происходят из погребений IV–V вв. н.э., исследованных в Центральном и Восточном Алтае [Мамадаков, 1996, рис. 1, 1; Бобров и др., 2003, рис. 9, 29]. В могильнике Курайка (вторая половина III — IV в. н.э.) найден миниатюрный экземпляр с цельным металлическим навершием [Соенов, Эбель, 1998, рис. 8, 2]. Судя по материалам некрополя Карбан-I, такие изделия появились раньше, и их происхождение, по-видимому, связано с развитием короткоклинкового оружия «булан-кобинцев» в сяньбийское время на основе образцов кушано-юэчжийской традиции. Возможно, их прототипом были кинжалы без перекрестия с цельнометаллическим овальным навершием наподобие тех, что обнаружены в археологических комплексах второй половины I в. до н.э. — I в. н.э. Тогда и Среднего Енисея [Обельченко, 1978, с. 121–122, рис. 3, 5; Кузьмин, 2011, рис. 53, 1, 2, 8; и др.].

Боевые ножи, аналогичные экземплярам из некрополя Карбан-I, впервые зафиксированы у хунну Монголии и Забайкалья (II в. до н.э. — I в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. XVI, 5, 8; Могильников, 1992, табл. 107, 43, 44; Яремчук, 2005, рис. 81, 1; Хүүннүгийн Өв., 2011, т. 244, зур. 370]. В Центральной Азии они также встречаются в памятниках сяньбийской (конец I — III в. н.э.), улуг-хемской (I в. до н.э. — начало III в. н.э.) и кокэльской (III–V вв. н.э.) культур [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 69; Николаев, 2001, табл. 63, 4; 83, 7; 84, 1, 9; 93, 3; и др.]. На Алтае они стали использоваться с начала I тыс. н.э. под влиянием поздних хуннских или ранне-сяньбийской военной традиции и оставались наиболее популярным средством ведения рукопашного боя во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59].

В погребения комплекса Карбан-I боевые ножи помещены в деревянных ножнах. Судя по сохранившимся материалам, некоторые из них были снабжены железными оковками в виде согнутых в полуобойму узких пластин, соединенных с разомкнутой стороны с помощью шпеньков. Одна из таких оковок имела «бортик» и скрепляла устье, остальные — обрамляли нижнюю часть корпуса. Расположение данных деталей *in situ* вдоль левого бедра умершего человека свидетельствует о том, что ножны носились в вертикальном положении и, по-видимому, фиксировались к ноге. Похожие по конструкции футляры с железными оковками встречены в воинском снаряжении кочевников Алтая во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 17–25]. Важно подчеркнуть, что ножны из Карбана отличаются от более поздних булан-кобинских экземпляров IV–V вв. н.э. отсутствием железных цепочек и других крепежных элементов для подвешивания к поясу. Обратим внимание на то, что зафиксированный в обломках железный нож из кургана № 33 был в ножнах, украшенных бронзовыми бляхами-заклепками шестиугольной и овальной формы, расположенными равноудаленно по вертикали (рис. 4, 4–7). Похожий вариант декорирования железными бляхами иной конструкции и формы зафиксирован в захоронении IV в. н.э. на памятнике Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1985, рис. 7, 1].

Заключение

Изученная серия предметов вооружения из погребений населения булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I включает средства ведения дальнего (лук и стрелы) и ближнего (ножи, кинжалы) боя.

Во всех захоронениях обнаружены сложносоставные луки, что подчеркивает их доступность и одновременно большую символическую значимость в реализации погребального обряда полноценных взрослых мужчин-воинов. Установлено, что «карбанцы» использовали луки одного типа — с асимметричной «С–М-образной» кибитью, усиленной семью роговыми накладками (двумя парами концевых боковых, двумя срединными боковыми и одной срединной тыльной). По оформлению срединных боковых пластин различаются два варианта, один из которых (тип 1а) является практически полной копией хуннских образцов и датируется II в. до н.э. — III в. н.э., а другой (тип 1б) отражает формирование новой местной модификации, получившей широкое распространение у населения Алтая во II–V вв. н.э. Зафиксированные *in situ* находки свидетельствуют, что в составе сопроводительного инвентаря луки могли быть как целыми, так и сломанными (разобранными?).

Черешковые трехлопастные ярусные наконечники стрел типов 1а, 2а относятся к хуннской военной традиции и датируются II–V вв. н.э. Экземпляр с равновеликими ярусами типа 3а может быть ранним, «переходным», образцом к южносибирской традиции. Наконечники стрел с геометрическим пером асимметрично-ромбической (тип 4а) и ромбической (тип 5а) форм без упора существовали на протяжении сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.).

Единственный кинжал из некрополя Крабан-I, по-видимому, связан с развитием коротко-клинкового оружия населения булан-кобинской культуры в сяньбийское время на основе образцов кушано-юэчжийской традиции. Вопрос о его датировке остается пока открытым.

Сохранившихся три железных боевых ножа с треугольным сечением клинка выделены в два типа, отличающихся прямой (тип 1а) и наклонной в сторону лезвия (тип 1б) рукоятью. Данные экземпляры режущего оружия появились у населения Алтая под влиянием позднехуннской или раннесяньбийской военных традиций и достаточно часто встречаются во II–V вв. н.э. Показательными для их хронологической атрибуции являются зафиксированные металлические детали ножен функционального (железные оковки) и декоративного (бронзовые бляхи) назначения, встречающиеся в погребальных комплексах эпохи Великого переселения народов. Найдки из некрополя Крабан-I подтверждают вывод о том, что боевые ножи использовали представители разных социальных слоев булан-кобинского общества первой половины I тыс. н.э. [Серегин, Матренин, 2020, с. 37, 91, 93–95].

Таким образом, комплекс вооружения кочевников, оставивших некрополь булан-кобинской культуры в устье р. Карбан, был ориентирован на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и соответствовал легкой коннице и пехоте. В его составе присутствуют как уже ранее известные (хуннские), так и новые (местные) модификации наступательного оружия. По своему разнообразию и уровню развития данный набор значительно уступал воинским арсеналам хунну и сяньби, а также населения булан-кобинской культуры конца III — V в. н.э. Совокупность сделанных заключений позволяет предположить, что рассмотренный корпус изделий отражает начальный этап эволюции вооружения населения Алтая в первой половине I тыс. н.э.

Финансирование. Анализ и интерпретация комплекса вооружения осуществлены при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Крабан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- И Санг по* (отв. ред.). Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш [Погребения Хунну на некрополе Худгийн Толгой в Монголии]. Улаанбаатар; Сеул: Монголын Үндэсний Туухийн Музей, 2003. (На монг. яз.).
- Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Мамадаков Ю.Т.* Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–198.
- Мамадаков Ю.Т.* Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 75–78.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205. (Археология СССР).

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 254–273. (Археология СССР).

Могильников В.А. Гилево-IX, курган № 3 — памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 113–117.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е. (отв. ред.). Топрак-Кала. Дворец. М.: Наука, 1984. 304 с.

Серегин Н.Н., Демин Д.А., Матренин С.С. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 81–91.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения Северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 99–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Стелушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. № 2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 37–48.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр — Хүннү Гүрний соел. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн. 2011. 296 т. (На монг. яз.).

Li Xingcheng, Wei Jian. Dongdajing cemetery in Shangdu county [李兴盛、魏坚商都县东大井墓地] // The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions [内蒙古自治区鲜卑墓葬的发现与研究]. Beijing, 2004. P. 55–102. (На кит. яз.).

ИСТОЧНИКИ

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Seregin N.N.^{a,*}, Demin M.A.^b, Matrenin S.S.^a

^a Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

^b Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); mademin52@mail.ru (Demin M.A.); matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.)

The weapon complex of the Northern Altai population in the Xianbei period (on materials from the necropolis of Karban-I)

The paper is aimed at introducing into the scientific discourse and complex interpretation of the weapon items discovered during excavations of the sites of the Bulan-Koby archaeological culture of the Karban-I necropolis. This site, which comprises a series of burial mounds of the Great Migration Period, was partially investi-

* Corresponding author.

gated by the expedition of Barnaul State Pedagogical Institute in 1989–1990. The complex is located on the left bank of the Katun River, 1.7 km north-west of Kuyus village, in Chemsalsky District of the Altai Republic. Weapons were found in five undisturbed male burials of the Xianbei period (mounds № 9, 11, 14, 33, 39). The finds analyzed include long-range and close-range weapons: five compound bows; 14 iron arrowheads; four iron combat knives; and one dagger. Morphological analysis and classification of the objects, as well as their comparison with known artefacts of the last quarter of the 1st mil. BC — the first half of the 1st mil. AD from the sites of Central, Inner, and North Asia became the basis for conclusions concerning the determination of the dating of the products. It has been found that the complex of weapons of the nomads who built the necropolis of the Bulan-Koby Culture at the mouth of the Karban River, was aimed at efficient countering of a lightly protected enemy and was appropriate for light cavalry and infantry. It includes both the already well-known (Xiungny) and new (local) modifications of the offensive weapons. In terms of its diversity and level of development, this set of weaponry was significantly inferior to the military arsenals of the Xiongnu and Xianbei periods, as well as that of the population of the Bulan-Koby Culture of the late 3rd — 5th c. AD. The body of the conclusions made permits it to assume that the considered corpus of weapons reflects the initial stage of the evolution of the armament of the Altai population in the first half of the 1st mil. AD. The published materials expand the source base for the study of warfare of the population of Northern Altai in the Xianbei period. The obtained results of the chronological interpretation of different categories of weapons can be used to refine the periodization of the sites of the Belo-Bom stage (2nd — 1st half of the 4th c. AD) of the Bulan-Koby Culture.

Keywords: Altai, Xianbei time, weapons, Bulan-Koby culture, bow, arrowheads, combat knife, dagger, chronology.

Funding. The analysis and interpretation of the weapons complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Karban-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

REFERENCES

- Bobrov, V.V., Vasiutin, A.S., Vasiutin, S.A. (2003). Eastern Altai in the Great Migration Period. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Part II: Offensive armament (weapons)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- I, Sang po (Ed.) (2003). *Xiungnu Tombs at Hudgiin Tolgoi in Mongolia*. Ulaanbaatar; Seoul: Mongolyn Yndjesnij Tyyhijn Muzej. (Mong.).
- Khudiakov, Iu.S. (1986). *Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (1997). Armament of the nomads of Gorny Altai of the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). In: *Izvestiia laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk: GAGU, 28–37. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (2002). Armament of the nomads of Gorny Altai of the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). In: *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 79–87. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S., Iui, Su-Khua (2000). Xianbei weapons complex. In: *Drevnosti Altaia*. Gorno-Altaysk: GAGU, 37–48. (Rus.).
- Khuunnugiin, Ov. (2011). Hukunnu's heritage. The first state of nomads — the culture of the Hun Dynasty. Ulaanbaatar: ShUA-iin Arkheologiiin Khureelen. (Mong.).
- Konovalov, P.B. (1976). *Xiungnu in Transbaikalia (burial monuments)*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo. (Rus.).
- Kuz'min, N.Iu. (2011). *Burial monuments of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture*. St. Petersburg: Aising. (Rus.).
- Li, Xingcheng, Wei, Jian (2004). Dongdajing cemetery in Shangdu county [李兴盛、魏坚商都县东大井墓地]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Beijing, 55–102. (China).
- Mamadakov, Iu.T. (1985). New materials of the Hunno-Sarmatian time in Gorny Altai. In: *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 173–198. (Rus.).
- Mamadakov, Iu.T. (1996). The piercing weapon of the Bulan-Koby population. In: *Aktual'nye problemy sibirskoi arkheologii*. Barnaul: Alt. un-ta, 75–78. (Rus.).
- Mandel'shtam, A.M., Stambul'nik, E.U. (1992). Hunno-Sarmatian period on the territory of Tuva. In: *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 196–205. (Rus.).
- Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of Altai nomads (II century BC — V century AD)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1992). Xiungnu of Transbaikalia. In: *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 254–273. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2001). Gilevo-IX, mound No. 3 — the site of the Xiongnu time of the north-western foothills of Altai. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 113–117. (Rus.).

Neverov, S.V., Mamadakov, Iu.T. (1991). Problems of typology and chronology of tiered arrowheads in Southern Siberia. In: *Problemy khronologii v arkheologii i istorii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 121–135. (Rus.).

Obel'chenko, O.V. (1978). Swords and daggers from the mounds of Sogd. *Sovetskaia arkheologiya*, (4), 115–127.

Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E. (Eds.) (1984). *Toprak-Kala. Castle*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Seregin, N.N., Demin, D.A., Matrenin, S.S. (2021). Objects of the Xianbei time of the Karban-I complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii*, (2), 81–91. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on the materials of archaeological complexes*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2020). New materials for the study of ranged weapons among the population of northern Altai in the Rouran period. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (3), 99–118. (Rus.).

Shirin, Iu.V. (2003). *Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funerary monuments of the Fominka culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).

Soenov, V.I., Ebel', A.V. (1992). *Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun*. Gorno-Altai: GAGPI. (Rus.).

Soenov, V.I., Ebel', A.V. (1998). Research at the Kuraika burial ground. In: *Drevnosti Altaia: Izvestiia laboratorii arkheologii*, (3). Gorno-Altai: GAGU, 113–135. (Rus.).

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Shmidt, A.V. (2018). *Altai in the Xianby-Rouran time (based on materials from the Stepushka site)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among cattle breeders of Gorny Altai of the Hunno-Sarmatian period. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 132–139. (Rus.).

Серегин Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Демин М.А., <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Матренин С.С., <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.09.2022

Article is published: 15.03.2023